

Трансформация международных отношений в Азии на современном этапе: от постбиполярности к новой холодной войне

В.И. Белов, Г.В. Грызлов

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Рецензия на коллективную монографию: Д.В. Стрельцов и др. 2025. «Новая холодная война» в Азии. Глобальное и региональное измерение. Москва: Издательство «Аспект-Пресс».

Ключевые слова: Азия, новая холодная война, глобальное и региональное соперничество, коллективный Запад и Анти-Запад, США и Китай, Глобальный Юг, Россия, БРИКС

В 2025 г. в издательстве «Аспект Пресс» под редакцией профессора Д.В. Стрельцова вышла коллективная монография «“Новая холодная война” в Азии. Глобальное и региональное измерение», подготовленная коллективом кафедры востоковедения МГИМО МИД России. В центре внимания авторов рецензируемого издания находится феномен «новой холодной войны» как парадигмы противостояния стран «коллективного Запада» (США, Великобритания, Канада, государства Европейского союза, Австралия и Новая Зеландия, Япония и Республика Корея) и «коллективного Анти-Запада» (Китай, Россия, Иран, КНДР, Венесуэла, Эритрея и др.).

Данная монография выбрана для рецензирования в силу того, что она представляет собой первое комплексное многоаспектное исследование глобального и регионального соперничества США и Китая, рассмотренного в широком международно-политическом контексте развития макрорегиона Азии во второй половине XX – первой четверти XXI вв. Ключевой исследовательский вопрос, поставленный авторами, заключается в определении степени применимости термина «холодная война» для характеристики современной ситуации в Азии и в мировой политике в целом.

УДК: 327.56:327.54(5)

Поступила в редакцию: 11.04.2025

Принята к публикации: 25.11.2025

Характеризуя состояние мировой системы как находящееся в процессе быстрой и радикальной трансформации, авторы монографии обращают внимание на элементы политической преемственности между современной и послевоенной парадигмами мироустройства. В частности, подчёркивается, что «основными странами-участницами коллективного Анти-Запада выступают как раз те государства, которые противостояли Западу в период холодной войны, – Россия (преемник СССР) и Китай, а наиболее заметными лидерами Глобального Юга являются страны, занимавшие нейтральную или близкую к нейтральной позицию до распада биполярного мира (Индия, Индонезия, Бразилия, ЮАР и т. д.)» (с. 10–11). При этом на фоне ориентированной на достижение глобальной гегемонии внешнеполитической стратегии США новым явлением становится формирование подсистем крупных и сверхкрупных государств, обладающих собственными логиками развития, что ведёт к смене конфигурации ключевых акторов в Азии. На смену сверхдержавам эпохи классической биполярности в качестве ведущих региональных игроков выдвигаются такие страны, как Индия и Китай, которые наряду с США рассматриваются в качестве потенциальных глобальных центров влияния. Азиатские державы при этом всё активнее противостоят стремлению Запада сохранить доминирующие позиции в мировой экономической системе, выступая в поддержку интересов Глобального Юга.

Анализ особенностей холодной войны XX в. в монографии выстроен вокруг четырёх её базовых признаков. Первый – мирное сосуществование антагонистических блоков капиталистических и социалистических государств. Второй – наличие определённого военного, технологического и экономического паритета между ними. Третий – тотальный характер биполярной системы, охватившей практически все регионы мира. Четвёртый – ярко выраженное идеологическое измерение конфронтации, связанное с противостоянием коммунистической и капиталистической моделей развития (с. 5–8).

Авторы предлагают следующее определение «холодной войны» – как «миропорядка, в котором государства консолидируются вокруг двух сверхдержав (полюсов) и делятся на два противостоящих друг другу в военном, политическом и экономическом отношениях лагеря», при этом вопрос о существовании «новой биполярности» признаётся дискуссионным (с. 5, 10).

В монографии делается вывод о том, что одним из ключевых вызовов для западных государств сегодня являются экономические успехи КНР, достигнутые в условиях авторитарной политической системы, что подрывает продвигаемую Западом установку о неразрывной связи между экономическим процветанием и либеральной демократией. В числе характеристик современной эпохи, отличающих её от классической холодной войны, выделяются: «отсутствие демаркации по блоковому признаку, деидеологизация конфронтационности во взаимодействии между полюсами, качественно новые формы и методы противостояния, наличие более глубокого, чем в послевоенный период, исторического бэкграунда в противостоянии двух главных полюсов» (с. 11). При этом

возникающая «новая bipolarность», как отмечают авторы, проявляется наиболее отчётливо в странах Восточной, Юго-Восточной и отчасти Южной Азии, в меньшей степени – на Ближнем Востоке, в Иране и Турции (с. 221).

Вместе с тем тезис об «отсутствии демаркации по блоковому признаку» представляется дискуссионным. Приведённый в страновых разделах фактический материал по Азии за 2020-е гг. даёт основания говорить о сохранении приверженности государств коллективного Запада подходам, характерным для эпохи классической холодной войны. Так, Вашингтон последовательно актуализирует блоковую логику, вовлекая азиатских партнёров в региональные и глобальные форматы, находящиеся под контролем США (AUKUS, QUAD и др.), включая военно-политические и технологические измерения. Показательно, что сами авторы подчёркивают: «новая холодная война» в Азии рассматривается ими прежде всего как «геополитическая парадигма, сложившаяся вокруг противостояния США и Китая» (с. 19).

Материалы монографии структурированы в три главы, выстроенные в соответствии с классическим регионально-географическим подходом (Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия; Ближний и Средний Восток). Введение выполнено в логике исторического обобщения и концептуального осмысливания закономерностей и особенностей международных процессов, инициированных в период холодной войны и развивавшихся вплоть до 2024 г.

Соперничество США и КНР

В открывющей главе монографии анализируются признаки «новой холодной войны» в Восточной Азии. Центральным сюжетом первой части выступает соперничество США и Китая за региональное и глобальное влияние, которое в значительной степени задаёт параметры современной международно-политической динамики.

Авторы подчёркивают, что, хотя в период классической bipolarности Вашингтон и Пекин находились в разных идеологических лагерях, это само по себе не свидетельствует об их «исторической предрасположенности» к конфронтации. С 1970-х гг. Соединённые Штаты в отношениях с КНР перешли к стратегии «вовлечения» (engagement), что способствовало расширению торгово-экономических и гуманитарных связей и в перспективе оказалось заметное влияние на экономическое развитие Китая. Однако политика открытости к сотрудничеству завершилась разочарованием американского руководства: со временем стало очевиднее, что «Китай не перестаёт быть Китаем» и не стремится стать похожим на США (с. 24).

Соответственно, США не удалось добиться трансформации КНР по модели либеральной демократии, сопоставимой с траекториями Японии, Республики Корея и Тайваня. Напротив, с приходом к власти Си Цзиньпина китайская политическая система, по оценке авторов, характеризуется усилением

централизации, секьюритизацией общественной жизни и более выраженной «суверенной» внешнеполитической линией. Рост экономической мощи Китая, не принимающего западные либерально-демократические ценности в качестве нормативной основы, стал одним из факторов, подтолкнувших Вашингтон к переходу в середине 2010-х гг. к стратегии «сдерживания». В качестве одной из ключевых причин более жёсткого курса США авторы обоснованно называют борьбу за идеологическое лидерство (с. 25): в восприятии американского политического класса утрата глобального лидерства будет означать подрыв «нормального» развития мирового порядка, поскольку его место займёт Китай, несоотносимый с привычной для Запада ценностной рамкой. Именно в этом Вашингтон усматривает экзистенциальную угрозу – как для себя, так и для международной системы в целом.

Пекин, со своей стороны, призывает отказаться от менталитета холодной войны и блокового мышления и отвергает тезис о стремлении к мировому лидерству. Вместе с тем, как отмечают авторы, китайские заявления о праве народов на суверенный путь развития и критика гегемонизма де-факто выражают заинтересованность в подрыве американского доминирования и в переходе к «справедливому» многополярному миропорядку (с. 31). При этом внешняя политика КНР, по мнению авторов, находится в стадии трансформации, что проявляется в её противоречивости и некоторой непоследовательности (с. 27): наряду с ростом амбиций и стремлением играть одну из ведущих ролей в международной системе сохраняется осторожность, обусловленная ограниченностью ресурсов. Аналогичная логика прослеживается и в оценке перспектив военного противостояния: несмотря на попытки сократить диспаритет с США, Пекин, как подчёркивается, по-прежнему не готов к прямому вооружённому столкновению.

Одновременно китайское руководство стремится реагировать на антикитайскую политику США, которую в Пекине трактуют как препятствие социальному-экономическому развитию страны. Стратегической целью КНР обозначается превращение к 2049 г. в «ведущую модернизированную социалистическую державу», способную, в том числе, отвечать на вызовы, исходящие от Вашингтона. В этой связи российские специалисты подчёркивают, что ключевым инструментом становится «наращивание национального инновационного и научно-технического потенциала», позволяющее обеспечить качественный скачок в экономическом развитии (Ломанов 2021: 636).

В качестве концептуального ядра китайской внешнеполитической повестки авторы выделяют идею «сообщества единой судьбы человечества», предполагающую построение международной системы, в которой прежние силовые форматы отношений утрачивают эффективность, а уровень взаимозависимости и связанности государств возрастает (с. 32). В данной рамке Китаю отводится одна из ключевых ролей, прежде всего как актору, содействующему развитию стран Глобального Юга.

Показательно, что в китайской оптике «новая холодная война» не мыслится как прямое продолжение холодной войны XX в.: Пекин заявляет, что не борется за глобальное доминирование, но вынужден реагировать на жёсткую политику США. Кроме того, Китай проявляет солидарность с Россией в оценке действий США и их союзников в Европе, рассматривая их как фактор, имеющий негативные последствия для международной безопасности¹.

Вместе с тем, несмотря на рост напряжённости, обе стороны, как подчёркивается, избегают открытой эскалации. Так, в 2022 г. администрация Дж. Байдена декларировала курс на «конкурентное взаимодействие» с КНР: сдерживание Китая при одновременном сотрудничестве по ряду принципиально важных вопросов. Такой прагматичный подход позволял снижать риски в периоды острого кризиса, включая ситуацию вокруг визита Н. Пелоси на Тайвань. Авторы выдвигают предположение, что подобная осторожная линия США сохранится независимо от партийной конфигурации в Вашингтоне (с. 38). В качестве дополнительного аргумента приводятся сигналы готовности президента Д. Трампа – при всей первоначальной бескомпромиссности – к переговорам с КНР о снижении взаимных торговых пошлин².

Однако общий тренд на углубление разрыва между США и Китаем, как отмечается, усиливается и может быть остановлен лишь при радикальном изменении парадигмы одной из сторон, что в ближайшей перспективе не просматривается. Это, в свою очередь, ведёт к нарастанию конфликтного потенциала в Восточной Азии и оказывает давление на третьи страны региона.

Япония

На фоне глобальных геополитических изменений, последовавших за распадом bipolarной системы, Япония вступила в период глубоких внутренних трансформаций, который в монографии описывается как процесс «нормализации страны». Прежде всего он проявился в постепенном отходе от навязанной после Второй мировой войны пацифистской модели и в последовательном укреплении оборонного потенциала. Так, в 2015 г. было принято законодательство, закрепившее право участия японских сил в совместных боевых действиях за пределами территории страны, а в документах 2022 г. содержатся беспрецедентные положения о намерении приобрести ударный потенциал и довести оборонные расходы до 2% ВВП к 2026 г. (с. 56–57). Подобная корректировка курса, как подчёркивают авторы, обусловлена изменением стратегического положения

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. Президент России. 4 февраля 2022 г. URL: <https://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 29.05.2025).

² Китай и США на встрече в Женеве договорились снизить тарифы до 10%. CGTN. 12 мая 2025 г. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2025-05-12/1921828677988032514/index.html> (дата обращения: 29.05.2025).

Японии: если в годы холодной войны она находилась на периферии гипотетического вооружённого столкновения блоков, то в современных условиях оказывается фактически в эпицентре потенциальных региональных конфликтов (с. 56–57). В числе ключевых источников угрозы выделяются активность КНР в Южно-Китайском море, нерешённые территориальные споры с Пекином и ядерная программа КНДР.

При этом Токио не отказывается от опоры на США как на главного военно-политического союзника, но одновременно адаптирует внешнеполитическую стратегию, расширяя участие в многосторонних форматах и сетях партнёрств: QUAD и G7, взаимодействие с AUKUS, а также развитие связей с НАТО. Примечательно, что, согласно авторам, склонность Японии встраиваться в западную коалиционную конфигурацию в условиях «новой холодной войны» поддерживается и общественными настроениями: в последние годы заметно выросло негативное отношение японцев к России и Китаю при стабильно высоком уровне доверия к США, что, в свою очередь, способствует росту числа сторонников милитаризации страны (с. 60–61).

Хотя на протяжении длительного времени Токио стремился удерживать баланс между Вашингтоном и Пекином, нарастание американо-китайской конкуренции существенно сузило пространство для манёвра. США остаются краеугольным элементом внешнеполитической архитектуры Японии, тогда как отношения с КНР всё более приобретают характер стратегического соперничества. Обострение территориального спора вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао и рост военного потенциала Китая способствовали формированию в Токио устойчивого восприятия Пекина как вызова национальной безопасности; в этой логике японские власти, как отмечают авторы, присоединились к курсу США на стратегическое сдерживание КНР (с. 84).

Существенное значение приобретает и экономическое измерение «новой холодной войны» в регионе. Пекин остаётся одним из важнейших торгово-экономических партнёров Японии, а высокая взаимозависимость начинает рассматриваться в Токио как источник уязвимости. В этих условиях с 2022 г. Япония реализует политику «экономической безопасности»: принят соответствующий закон, направленный на укрепление цепочек поставок и снижение зависимости от отдельных государств, прежде всего в сфере высоких технологий (Чудинова 2023: 123–124). Как показывают авторы, Токио стремится хеджировать риски, постепенно диверсифицируя размещение производств и перенося часть мощностей с территории Китая в другие страны, прежде всего в государства Юго-Восточной Азии (с. 87). Дополнительно для обеспечения технологической безопасности Япония наращивает сотрудничество с США, Республикой Кореей и Тайванем. Вместе с тем, несмотря на заметную секьюритизацию экономического взаимодействия с КНР, крупные торгово-экономические связи сохраняются; их возможное ослабление, по-видимому, будет растянутым во времени и в значительной степени зависимым от дальнейшей динамики американо-китайского соперничества.

Корейский полуостров

Понятие «новая холодная война» применимо к Корейскому полуострову лишь с существенными оговорками, поскольку «старая» холодная война здесь де-факто так и не была завершена. Авторы подчёркивают «двусторонний» характер корейской проблемы, сформированной одновременно внутронациональным расколом и глобальным геополитическим противостоянием, причём эти два измерения ни разу не удавалось преодолеть синхронно (с. 102).

После завершения классической холодной войны конфигурация сил на полуострове претерпела изменения: на фоне ослабления позиций СССР и КНР усилилось влияние США и Республики Корея, тогда как КНДР оказалась в относительной международной изоляции. Север и Юг постепенно адаптировались к факту существования друг друга, а их противостояние приобрело форму устойчивой «мини-биполярности», в рамках которой стороны избегают полномасштабного вооружённого конфликта, не отказываясь, однако, от демонстративных и провокационных действий. Подобная кажущаяся стабильность, как отмечают авторы, создаёт иллюзию безопасности и одновременно повышает риск резкой эскалации в случае кризисных ситуаций.

Внешняя политика КНДР в последние годы, по оценке авторов, приобрела более прагматичный характер и продолжает выстраиваться по традиционным направлениям – в отношении США, Китая, Японии и России (с. 104). Вместе с тем ключевой сдвиг произошёл именно в российско-северокорейских отношениях на фоне украинского кризиса: руководство КНДР практически сразу выразило политическую поддержку Москве. Авторы при этом указывают на «бездоказательность спекуляций» о военном сотрудничестве России и КНДР и подчёркивают нежелание обеих сторон вовлекать северокорейских военнослужащих в конфликт с Украиной и Западом (с. 106–107), аргументируя это логикой и отсутствием официальных подтверждений информации, активно распространяемой западными СМИ. Однако, на наш взгляд, в отношении столь чувствительных сюжетов целесообразно избегать чрезмерно категоричных оценок, поскольку эмпирическая реальность не всегда полностью коррелирует с логическими предпосылками. Так, в апреле 2024 г. Президент России В.В. Путин официально подтвердил участие военнослужащих КНДР в боевых столкновениях с Вооружёнными силами Украины на территории Курской области³. Этот факт не только ставит под сомнение тезис о нежелании Пхеньяна участвовать в европейском конфликте, но и свидетельствует о том, что КНДР фактически заняла сторону Москвы, включая контекст формирующейся «новой холодной войны».

³ Путин обратился к корейским военным и лично к Ким Чен Ыну. РБК. 28 апреля 2025 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/04/2025/680f1a989a794704cf95e09e> (дата обращения: 29.05.2025).

При этом в отношениях КНДР и КНР в последние годы наметилось определённое охлаждение, что частично объясняется давлением Пекина на Пхеньян по вопросу ядерной программы. Тем не менее между двумя странами сохраняется высокий уровень практического взаимодействия, что поддерживает актуальность идеи формирования стратегического треугольника Россия – КНДР – Китай.

На фоне обострения «новой холодной войны» Республика Корея также демонстрирует более жёсткую внешнеполитическую линию. Помимо сохранения тесного военно-политического взаимодействия с США, Сеул пошёл на сближение с Японией, во многом абстрагируясь от исторических и территориальных противоречий (с. 111). Несмотря на глубокую экономическую взаимозависимость с КНР, южнокорейское руководство активизировало участие в инициативах США, зачастую имеющих выраженную антикитайскую направленность. Республика Корея также поддержала антироссийский курс в связи с украинским кризисом, однако до настоящего времени воздерживается от поставок вооружений Киеву, опасаясь негативной реакции со стороны Москвы.

Ключевым фактором нестабильности остаётся ядерная проблема, значение которой растёт на фоне усиления «новой холодной войны». Процесс денуклеаризации Корейского полуострова зашёл в тупик, и ни одна из вовлечённых сторон в настоящее время не демонстрирует готовности к его разрешению посредством переговоров. В повестке отсутствует и вопрос объединения двух Корей: как отмечают авторы, в северокорейском официальном дискурсе всё чаще используется наименование «Республика Корея», что указывает на восприятие южного соседа как самостоятельного враждебного государства и свидетельствует о постепенном отходе от концепции «единой Кореи».

Монголия

С распадом bipolarной системы Улан-Батор в значительной степени утрачил прежнее стратегическое значение для Москвы, что, как отмечают авторы, расширило возможности Монголии для проведения более самостоятельной и многовекторной внешней политики (с. 129). В этой логике с 1990-х гг. монгольское руководство последовательно реализует концепцию «третьего соседа», выстраивая отношения с США и другими западными странами и привлекая их инвестиции и донорскую поддержку.

Особое место в внешнеэкономической стратегии Монголии занимает взаимодействие с Китаем: при сохраняющемся недоверии со стороны части монгольского общества и политических элит Пекин остаётся крупнейшим торговым партнёром Улан-Батора. Одновременно Россия сохраняет прочные позиции, участвуя в развитии транспортной и энергетической инфраструктуры Монголии и получая взамен политический «нейтралитет» и определённую лояльность монгольского руководства. В этом контексте подчёркивается

устойчивое значение традиционного треугольника Россия – Китай – Монголия, в рамках которого продвигаются проекты, включая инициативы по формированию транспортных коридоров.

В целом, несмотря на возрастающее внешнее давление, Улан-Батору удаётся сохранять относительно сбалансированный внешнеполитический курс, извлекая определённые выгоды из взаимодействия с различными центрами силы. При этом, учитывая ограниченные внешнеполитические амбиции Монголии и её сравнительно скромный вес в региональных процессах, можно предположить, что даже в случае более выраженного дрейфа страны в сторону одного из «блоков» это вряд ли приведёт к заметным изменениям глобальной или региональной расстановки сил.

Южная Азия

Во второй половине XX в. Южная Азия, по оценке авторов, относилась к числу немногих регионов, которые в сравнительно меньшей степени были затронуты блоковым противостоянием: обе сверхдержавы были заинтересованы в стабилизации обстановки, а их конкуренция носила преимущественно латентный характер (с. 148). В условиях же обострения «новой холодной войны» регион всё более превращается в значимый элемент системы международных отношений, где пересекаются интересы крупных держав и формируются новые конфигурации влияния.

В последние десятилетия Индия существенно нарастила военную и экономическую мощь, претендуя на статус доминирующей региональной державы, чем, как отмечается, стремится воспользоваться Соединённые Штаты. Вашингтон рассматривает Дели в качестве ключевого противовеса Пекину в Южной Азии. Вместе с тем, на наш взгляд, в данной части монографии целесообразно было бы более отчётливо – как это сделано в разделе о Юго-Восточной Азии – акцентировать роль американского продвижения концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) как альтернативы традиционному АТР, направленной на ограничение китайского регионального влияния (Куприянов 2021: 49). При этом, несмотря на расширение экономических и военно-политических связей с США, Индия демонстрирует осторожность в отношении идеи полного внешнеполитического «разворота» к Вашингтону, поскольку её не устраивает роль «младшего партнёра», которая, по логике Дели, неизбежно закрепляется за американскими союзниками (с. 157).

В регионе при этом отчётливо проявляется стратегическое соперничество Индии и Китая. Дели рассматривает Южную Азию как пространство своих национальных интересов и стремится ограничить вовлечение внешних акторов в региональные дела. Пекин, напротив, наращивает влияние в регионе, прежде всего через углубление сотрудничества с Пакистаном – традиционным соперником Индии. Исламабад, осознавая возможности Китая по сдерживанию

индийского влияния, заинтересован в получении максимальных политических и экономических преференций от партнёрства с Пекином. Одновременно Пакистан сохраняет определённые каналы взаимодействия с США и активно работает с исламским миром, повышая собственную дипломатическую и военно-политическую манёвренность (с. 163–164). Дополнительную обеспокоенность Индии вызывает расширение китайского сотрудничества с другими государствами Южной Азии, включая Бангладеш и Шри-Ланку.

Тем не менее «новая холодная война» в Южной Азии, как представляется, сохраняет преимущественно латентный характер. Здесь происходит столкновение интересов Индии и Китая, которые трудно однозначно отнести к разным «блокам». Даже при том, что США делают ставку на Дели, превращение Индии в полноценного союзника Вашингтона и её вовлечение в жёстко антикитайскую стратегию выглядит ограниченно вероятным. Более того, Пекин и Дели в ряде аспектов преследуют сходные цели, связанные с формированием более поликентричного миропорядка; обе страны поддерживают устойчивые отношения с Москвой. Поэтому, несмотря на наличие трудноразрешимых противоречий, их стратегическое соперничество в ближайшей перспективе вряд ли трансформируется в открытое противостояние.

Юго-Восточная Азия

Регион Юго-Восточной Азии (ЮВА) в наибольшей степени испытал на себе последствия холодной войны. Поэтому государства ЮВА, сумевшие к концу XX в. выстроить механизмы региональной кооперации и относительного баланса, объективно не заинтересованы в возрождении жёсткой биполярной конфронтации. Вместе с тем текущая geopolитическая динамика ставит их перед усложняющимся выбором. В 1990–2000-е гг. синхронное присутствие США и Китая, укрепление торгово-экономических связей между ними и общая стабилизация обстановки в регионе обеспечивали странам ЮВА заметные дивиденды: участие крупных внешних акторов, как правило, воспринималось как ресурс развития. Однако последующий подъём КНР и продвижение её инициатив (в частности «Один пояс, один путь») стали вызывать растущую озабоченность в связи с асимметричным характером взаимодействия и рисками утраты экономического суверенитета.

С усилением американо-китайской конфронтации в 2010–2020-х гг. ЮВА оказался в эпицентре новой геополитической напряжённости. Страны региона всё чаще выступают ареной конкуренции двух держав в военно-политическом, технологическом и экономическом измерениях. На фоне декаплинга США и КНР, чьё параллельное участие играло важную роль в экономической динамике региона, а также продвигаемой Западом в последние годы логики derisking, АСЕАН сталкивается с рисками замедления роста и необходимостью адаптации к структурной перестройке глобальных цепочек поставок (с. 182).

Особенно заметной становится технологическая конкуренция, способствующая формированию в ЮВА двух во многом несогласованных технологических экосистем – китайской и американской. При этом, как подчёркивают авторы, подходы США и КНР к структурированию региона различаются: Вашингтон делает ставку на сеть минилатеральных форматов, тогда как Пекин ориентируется на двусторонние договорённости и создание новых институтов развития (с. 185).

Осознавая необходимость сохранения стратегической гибкости в условиях «новой холодной войны», государства ЮВА рассматривают несколько возможных линий поведения: примыкание к одной из сторон, укрепление единства АСЕАН как коллективного субъекта либо поиск «третьих сил» для расширения собственного «стратегического пространства» (с. 189). При этом часть стран стремится к избирательному сотрудничеству с обеими державами, пытаясь одновременно извлечь экономические выгоды и минимизировать политico-безопасностные риски – например, позиционируя регион как «инвестиционно-производственную буферную зону» и привлекая внешние инвестиции в высокотехнологичные сектора.

В целом региональная ситуация становится более подверженной нестабильности. По мере укрепления американского и китайского присутствия выбор между двумя центрами силы перестаёт быть линейным и всё чаще распадается на совокупность секторальных решений – от вопросов безопасности до технологических стандартов и инфраструктуры, – каждое из которых способно иметь долгосрочные последствия и формировать новые зависимости.

Иран

В представлении авторов соответствующего раздела иранская внешнеполитическая картина мира строится вокруг двух контуров: внешнего – расположенного за пределами исламской общины, и внутреннего – мусульманской уммы (с. 200). После одностороннего выхода Вашингтона из Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе Тегеран, как отмечается, усилил восточное направление внешней политики, что выразилось, в частности, во вступлении Исламской Республики в ШОС и БРИКС. Укрепление связей с ведущими акторами «незападного» блока – Москвой и Пекином – открывает перспективу формирования стратегического треугольника Россия–Иран–Китай. В иранской интерпретации данный треугольник рассматривается как один из опорных элементов формирующегося многополярного миропорядка и «востокоцентричного мира» как его сегмента. При этом, по мысли авторов, между новой глобальной bipolarностью и многополярностью, формирующейся внутри «востокоцентричного» полюса, не возникает принципиального противоречия.

Отдельное внимание уделяется эволюции академических дискуссий в Иране относительно применимости понятия «холодной войны». Как отмечается, в традиционной трактовке данная тема становится более заметной в иранской научной среде после 2008 г., причём тогда возможность возникновения «новой холодной войны» оценивалась как маловероятная. Однако с началом украинского кризиса (2014 г.) дискуссия теряет однозначность: к 2018 г. часть авторов либо уже фиксировала начало «холодной войны» в связи с украинским или сирийским кризисами, либо подчёркивала нарастающие риски её возникновения как производные углубляющегося противостояния России и Запада. Вместе с тем авторы раздела подчёркивают, что рассматривать «поворот на Восток» как полностью сформировавшуюся и безальтернативную стратегию Ирана пока преждевременно: практическая отдача от данного курса остаётся ограниченной, что вынуждает Тегеран сохранять элементы внешнеполитического баланса, «оглядываясь» на Запад (с. 211).

Турция

Внешняя политика Турции в условиях трансформации системы международных отношений и формирования «новой биполярности» в начале 2020-х гг., по оценке авторов, вошла в качественно иной этап, что расширило возможности Анкары по наращиванию стратегической автономии. Отмечается, что в турецких элитах усиливается поиск альтернативных траекторий развития, отличных от доминировавшего на протяжении десятилетий курса на экономическую и политическую европеизацию. При сохранении значимой зависимости от западных партнёров в экономической и военно-технической сферах Турция предпринимает попытки укрепления стратегической автономии за счёт расширения внешнеполитического взаимодействия с незападными государствами (с. 239).

Новой доминантой евразийского вектора турецкой внешней политики всё более отчётливо становится Азия. В этом контексте инициативу «Снова Азия» авторы трактуют как попытку обосновать императив наращивания экономического партнёрства с ведущими азиатскими державами. Ряд турецких аналитиков допускает, что в определённом смысле альянс России, Турции и Китая уже является реальностью – в частности, в силу развития отношений с Россией в условиях санкций, договорённостей о сопряжении инициативы ОПОП и Транскаспийского международного транспортного маршрута («Срединного коридора»), а также расширения кооперации с Китаем. С этих позиций евразийское партнёрство интерпретируется не как вопрос политического выбора, а как функциональная необходимость для Турции (с. 234).

В целом авторы считают возможным выделить несколько направлений турецкого евразийства – левое, пантюркистское, исламское и прагматическое. Левое евразийство акцентирует антизападную риторику и необходимость

сближения с Россией. Исламское направление фокусируется на развитии идей неоосманизма как основания для восстановления особого статуса Турции на пространствах, исторически связанных с Османской империей. Прагматическое евразийство, особенно во второй половине 2000-х гг., определялось прежде всего торговыми и энергетическими интересами.

К 2020-м гг., как подчёркивается, идеи евразийства получили более выраженное практическое воплощение во внешней политике Турции. К числу таких проявлений относятся дальнейшее развитие отношений с Россией, приобретающих характер комплексной и достаточно сложной взаимозависимости; интерес к ШОС; расширение сотрудничества с Китаем в рамках ОПОП; рост экономических и гуманитарных связей со странами Центральной Азии и Азербайджаном. При этом авторы обращают внимание, что усиление общественно-политического интереса к евразийству в Турции коррелирует с периодами кризисов в отношениях Анкары с западными партнёрами (с. 235).

Наконец, в соответствующей концептуальной рамке Турция рассматривается как «центральная держава исламского мира», призванная выполнять миссию по консолидации государств Ближнего Востока, Северной Африки и Евразии.

Монархии Персидского залива

На фоне текущих геополитических сдвигов и перераспределения глобального и регионального баланса сил всё более заметную роль в международных процессах начинают играть монархии Персидского залива – прежде всего Объединённые Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и Катар. Если в период классической bipolarности эти государства в целом тяготели к Соединённым Штатам и западному лагерю, то в современных условиях они, насколько это возможно, стремятся придерживаться более автономной и прагматичной линии, избегая жёсткого блокового выбора.

Объединённые Арабские Эмираты. В публикациях эмиратаических аналитических центров ОАЭ нередко характеризуются как «восходящая держава» в рамках нового мироустройства. С 2022 г., как отмечается, в международной политике усиливаются поляризация и «бинарная» логика «мы против них», что воспринимается в Абу-Даби как фактор нестабильности. Особую обеспокоенность вызывает широкое применение санкций, способное нарушать нормальное функционирование глобальной экономики. В качестве принципа внешнеполитического курса ОАЭ декларируются прагматизм и готовность взаимодействовать со всеми участниками международных отношений, включая политически «неудобных» партнёров. Официальные лица Эмирата подчёркивают тренд к многополярности и указывают на важность сохранения в долгосрочной перспективе «открытой системы глобальной торговли» и противодействия протекционизму (с. 247). С точки зрения руководства ОАЭ, ряд глобальных вызовов требует сотрудничества максимально широкого круга государств: в числе таких

угроз называются риск новых пандемий, обеспечение глобальной финансовой стабильности, противодействие экстремизму, изменение климата и загрязнение океанов, а также продовольственная безопасность. В этой рамке ОАЭ позиционируют себя как потенциальное «связующее звено» между Востоком и Западом и подчёркивают необходимость эволюции глобальных институтов, укрепления их легитимности и повышения эффективности.

Саудовская Аравия. В представлении руководства КСА многополярность предполагает возможность проведения многовекторной внешней политики и развития партнёрств со всеми крупными экономиками – не только с США или Китаем. Отдельный акцент делается на укреплении связей по линии Юг–Юг. Исходит предположение о том, что на Глобальном Юге формируются собственные технологические и финансовые центры, что, в свою очередь, позволяет снижать зависимость от развитого Севера, характерную для прежнего миропорядка. Многополярный мир трактуется как конфигурация, в которой международная ситуация не определяется ни доминированием одной сверхдержавы, ни противостоянием двух сверхдержав; отсюда заявляется ориентация на внеблоковый подход. КСА позиционируется как одно из ведущих государств Глобального Юга, а взаимодействие со странами БРИКС и перспектива полноценного членства в объединении рассматриваются как ресурс влияния на формирование нового миропорядка. В этой логике формат БРИКС+ трактуется как площадка продвижения интересов «мирового большинства», а соответствующий курс – как подтверждение притязаний Эр-Рияда на большую субъектность и независимую внешнюю политику. Авторы также отмечают, что КСА воспринимается международным сообществом как влиятельный нейтральный игрок, который нередко выступает дипломатическим посредником (с. 253).

Катар. В катарской интерпретации одним из ключевых источников нестабильности международной системы остаётся «разрыв между Востоком и Западом», проявляющийся, в частности, как противостояние нарративов между западными странами и государствами Глобального Юга. Последние выступают против гегемонии одной державы, подчёркивая приоритет национального суверенитета и сильного государства. В Дохе, как отмечается, исходят из того, что современный мир не предполагает пространства для одностороннего доминирования; при этом Катар стремится сохранять нейтральную позицию и выстраивать сбалансированные отношения как с Западом, так и с Востоком.

В целом, как подчёркивают авторы монографии, позиции ведущих монархий Залива во многом сближаются. Эти государства признают и поддерживают формирование многополярной системы, выступают за повышение роли Глобального Юга в международных процессах и одновременно скептически оценивают вероятность полноценной «новой холодной войны», хотя и выражают обеспокоенность углубляющейся китайско-американской конфронтацией как фактором риска для мировой экономики (с. 256). Дополнительно отмечается, что страны Залива – и в цивилизационном, и в политическом отношении –

идентифицируют себя как часть Глобального Юга и разделяют близкие ценностные и внешнеполитические установки: поддержание внутренней политической стабильности, ориентацию на собственное экономическое развитие и предпочтение дипломатических методов урегулирования конфликтов (с. 257). Вместе с тем сохраняется зависимость монархий от внешних акторов в сфере безопасности, что поддерживает актуальность вопроса о роли внерегиональных игроков в формировании будущей архитектуры безопасности на Ближнем Востоке и в регионе Персидского залива (с. 258).

Израиль

В первой четверти XXI в. израильское руководство взяло курс на региональную интеграцию и нормализацию отношений с рядом арабских государств; кульминацией данной линии стало подписание «Авраамовых соглашений» с Бахрейном и ОАЭ. При этом, как справедливо отмечается в литературе, внешнеполитическая стратегия Израиля носит во многом дуалистический характер: с одной стороны, Тель-Авив стремится выстраивать pragматичные и институционально оформленные отношения с ключевыми государствами Ближнего Востока, с другой – сохраняет самоидентификацию как части западного мира и позиционирует себя в качестве одного из ведущих стратегических союзников США в регионе (Крылов, Микаелян 2024: 25).

По мнению авторов монографии, на региональную стратегию Израиля в ближайшей перспективе в наибольшей степени будут влиять нерешённость палестинской проблемы, украинский кризис и углубляющаяся конфронтация с Ираном. Иранский фактор при этом рассматривается как особенно чувствительный для Израиля и региональной архитектуры безопасности в целом: именно он, как подчёркивается, стал одним из ключевых стимулов сближения Израиля с рядом арабских стран и способствовал формированию регионального альянса под эгидой США (с. 269).

Отдельно отмечается, что Китай и Индия воспринимаются в Израиле как значимые партнёры по широкому кругу направлений, однако ни одно из этих государств не рассматривается как противовес или тем более как потенциальная замена США, учитывая исключительную плотность военно-политических и политico-дипломатических связей Тель-Авива и Вашингтона (с. 274–276).

Валидность основных положений монографии опирается на существенный научно-исследовательский и учебно-методический задел, сформированный на кафедре востоковедения МГИМО МИД России; сам по себе этот корпус работ представляет самостоятельную академическую ценность. Библиография издания включает более 600 источников на русском, английском, арабском, иврите, китайском и персидском языках. Следует отметить также высокий академический уровень изложения материала, требующего междисциплинарной компетентности, и качество визуального сопровождения: таблицы, графики

и картосхемы отличаются наглядностью и корректностью. Разделы монографии структурированы в соответствии с заявленной проблематикой, что облегчает навигацию по тексту и повышает прозрачность аргументации.

В целом книга заметно выделяется на отечественном и международном треке как фундаментальное, комплексное и многоаспектное исследование, выполненное на обширной эмпирической базе. В ней последовательно раскрываются структурные, политические, экономические, военные и идеологические характеристики парадигмы «новой холодной войны», связанной с соперничеством США и Китая на глобальном и региональном уровнях; анализируются специфические формы её проявления в отдельных странах и субрегионах современного Востока – в Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, а также на Ближнем и Среднем Востоке. Существенным достоинством работы является попытка концептуализировать новые возможности внешнеполитического и экономического маневрирования для государств Азии в условиях обострения соперничества ведущих держав, а также показать инструменты и пределы реализации таких стратегий в практической политике.

В итоге коллективная монография «“Новая холодная война” в Азии. Глобальное и региональное измерение» предстаёт значимым трудом, который, с одной стороны, систематизирует ключевые исследовательские подходы к пониманию bipolarности и её современных аналогий, а с другой – задаёт продуктивную проблемно-методологическую рамку для дальнейшего анализа трансформаций глобализации и международной конкуренции в Азии.

Об авторах:

Белов Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения и африкастики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. E-mail: vyou@yandex.ru

Грызлов Глеб Владимирович – аспирант, лаборант-исследователь кафедры востоковедения и африкастики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. E-mail: glebanya261@gmai.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность:

Публикация выполнена в рамках Проекта № 102502-2-000 Системы грантовой поддержки научных Проектов Российского университета дружбы народов (РУДН).

UDC: 327.56:327.54(5)
 Received: April 11, 2025
 Accepted: November 25, 2025

Contemporary Transformation of International Relations in Asia: From Post-Bipolarity to a New Cold War

 V.I. Belov, G.V. Gryzlov
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-6-105-221-238](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-6-105-221-238)

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Book review: D.V. Streltsov et al. 2025. *'New Cold War' in Asia. Global and regional dimension.* Moscow: Publishing House «Aspect-Press».

Keywords: Asia, the new Cold War, global and regional rivalry, the collective West and the Anti-West, the United States and China, the Global South, Russia, BRICS

About the authors:

Vladimir I. Belov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental and African Studies, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, 117198, Miklukho-Maklaya 6, Moscow, Russia. E-mail: vyu@yandex.ru

Gleb V. Gryzlov – Postgraduate Student, Laboratory Researcher, Department of Oriental and African Studies Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, 117198, Miklukho-Maklaya 6, Moscow, Russia. E-mail: glebanya261@gmai.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 102502-2-000.

References:

Chudinova K. 2022. The Impact of Technology Competition with China on US-Japan Trade. *Social Sciences and Contemporary World*. (4). P. 118–131. DOI: 10.31857/S0869049922040098 (In Russian).

Krylov A., Mikaelian A. 2024. Israel in the Context of the “New Bipolarity”. *Vestnik RUDN. International Relations*. 24(1). P. 23–39. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-23-39 (In Russian).

Kupriyanov A. 2021. The Indo-Pacific: Indian View. *World Economy and International Relations*. 65(5). P. 49–58. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-49-58 (In Russian).

Lomanov A. 2021. Global implications of the US-China confrontation. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 91(7). P. 635–639. DOI: 10.31857/S0869587321070094 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Крылов А.В., Микаелян А.А. 2024. Израиль в контексте «новой биполярности». *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 24(1). С. 23–39. DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-23-39

Куприянов А.В. 2021. Индо-Тихоокеанский регион: индийский взгляд. *Мировая экономика и международные отношения*. 65(5). С. 49–58. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-5-49-58

Ломанов А.В. 2021. Глобальные последствия американо-китайского противостояния. *Вестник Российской академии наук*. 91(7). С. 635–639. DOI: 10.31857/S0869587321070094

Чудинова К.О. 2022. Влияние технологической конкуренции с Китаем на характер американо-японского торгового взаимодействия. *Общественные науки и современность*. (4). С. 118–131. DOI: 10.31857/S0869049922040098